
Borisovna, T. Z. (2020). Oset Halk Aforizmalarının Canlandırma Sisteminde Kişiselleştirme ve Karşılaştırma. *Folklor Akademik Dergisi*. Cilt:3, Sayı: 3, 571 – 589.

Makale Bilgisi / Article Info

Geliş / Recieved: 17.11.2020

Kabul / Accepted: 03.12.2020

Araştırma Makalesi / Research Article

OSET HALK AFORİZMALARININ CANLANDIRMA SİSTEMİNDE KİŞİSELLEŞTİRME VE KARŞILAŞTIRMA

Tsallagova Zarifa BORİSOVNA*

Öz

Oset halk aforistiklerinin çeşitli türlerinin şiirsel ve anlamsal yapısı, aralarında metafor ve epitet ile birlikte özel bir yerin kişileştirme ve karşılaştırma ile özel bir yer edindiği şiirsel mecazlardan oluşur. İmge yaratmanın adlandırılmış araçları sadece süsleme, dekorasyon, aynı zamanda yapılandırma, anlamsal işlevler taşımakla kalmaz, sanatsal mecazların böylesine bir kararsızlığı, özlü olarak tasarlanmış bir ifadeye derin anlam koymayı amaçlayan minimal folklor biçimlerinin sanatsal estetiği olan halk aforizmalarının şiirsel doğasının orijinalliyi tarafından önceden belirlenir. İlk olarak çeşitli Oset halk aforizmalarında kişileştirmenin ve karşılaştırmanın analizi, bu şiirsel figürlerin, talimat ve uyarıları, çeşitli sosyal ve doğal olayların bir tanımını ve ayrıca nesnelere, insanların, hayvanların nitelikleri ve özelliklerini içeren aforistik ifadenin tüm kompozisyonuna tam olarak uyduğunu ortaya koymaktadır. Farklı bir etnik kültüre sahip kişilerin algılamasında ve başka dillere çevrilmesinde güçlük çeken bu tür ifadeler, Oset kültür geleneğinin anlamsal anahtarlarına ve sembolik imgelerine dayanmaktadır. İkincisi, bu etnik gruptan insanların geleneksel mirasın matrisine girişlerinin "kilidini açmasına" izin veren bir tür kültürel koddur. Ve bu folklor katmanının özel bir dilbilimsel ve kültürel çalışması, yabancı aforistik analogilerin bir değerlendirmesiyle birleştiğinde, yalnızca ulusal olarak özel aforistik görüntülerin doğası hakkında bir fikir vermekle kalmaz, aynı zamanda Oset dili ve kültürünün diğer dil ve kültürlerin temsilcileri tarafından derin anlamlarını kavramak için metodolojik bir fırsat verir.

Anahtar Kelimeler: aforizma, atasözü, atasözü, yemin, bilmece, iyi niyet, lanet, kişileştirme, karşılaştırma.

* Doctor of pedagogical sciences, professor, Leading Researcher of the Department of the Peoples of the Caucasus Institute of Ethnology and Anthropology RAS. N.N. Miklouho-Maclay. sozieva@mail, ORCID: 0000-0001-5168-5263

IMPERSONATION AND COMPARISON IN THE ARTISTIC SYSTEM OF THE OSSETIAN POPULAR APHORISM

Abstract

The poetic-semantic structure of various genres of Ossetian folk aphorisms form poetic paths, among which, along with metaphor and epithet, a special place is occupied by impersonation and comparison. The above means of creating figurativeness bear not only ornamental, adorning, but also structuring, semantic functions: such ambivalence of artistic tropes is predetermined by the uniqueness of the poetic nature of folk aphorisms, artistic aesthetics of minimal folk forms intended to enclose a deeply formed phrase. Comparative analysis of impersonation and comparison in various types of Ossetian folk aphoristics reveals that these poetic figures fully fit the whole composition of aphoristic utterance containing edifying instructions and warnings, a description of various social and natural phenomena, as well as the qualities and characteristics of objects, people, animals. The idiomatics of such utterances, which determines the difficulty of their perception by people of a foreign ethnic culture and translation into other languages, is based on the semantic keys and symbolic images of the Ossetian cultural tradition. The latter are a kind of cultural code that allows people of this ethnic group to “unlock” the entrance to the matrix of traditional heritage. And a special linguistic-cultural study of this folklore stratum, together with consideration of foreign aphoristic analogies, provides not only an idea of the nature of nationally specific aphoristic images, but a methodological possibility to comprehend the deep meanings of the Ossetian language and culture by representatives of other languages and cultures.

Keywords: *aphorism, proverb, oath, mystery, benevolence, curse, personification, comparison.*

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ И СРАВНЕНИЕ В ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ ОСЕТИНСКОЙ НАРОДНОЙ АФОРИСТИКИ

Аннотация

Поэтико-семантическую структуру различных жанров осетинской народной афористики формируют поэтические тропы, среди которых, наряду с метафорой и эпитетом особое место занимают олицетворение и сравнение. Названные средства создания образности несут не только орнаментальные, украшающие, но и структурирующие, смысловые функции: такая амбивалентность художественных тропов predetermined своеобразием поэтической природы народных афоризмов, художественной эстетикой

минимальных фольклорных форм, нацеленных на то, чтобы вложить глубокий смысл в лаконично оформленную фразу. Сравнительно-сопоставительный анализ олицетворения и сравнения в различных видах осетинской народной афористики выявляет, что в эти поэтические фигуры полностью укладывается весь состав афористического высказывания, содержащего назидательные предписания и предостережения, описание различных социальных и природных явлений, а также качеств и характеристик предметов, людей, животных. Идиоматика таких высказываний, обуславливающая трудность восприятия их людьми иноэтнической культуры и перевода на другие языки, базируется на смысловых ключах и символических образах осетинской культурной традиции. Последние являют собой некий культурный код, позволяющий людям данного этноса «отмыкать» вход в матрицу традиционного наследия. А специальное лингвострановедческое изучение данного фольклорного пласта вкупе с рассмотрением иноэтнических афористических аналогий дает не только представление о характере национально особенных афористических образов, но методологическую возможность постичь глубинные смыслы осетинского языка и культуры представителями других языков и культур.

Ключевые Слова: афоризм, пословица, поговорка, клятва, загадка, благопожелание, проклятие, олицетворение, сравнение.

Введение

Актуальность исследования. Сила воздействия афористических высказываний кроется в их имплицитной экспрессивной окрашенности и веками отточенной художественной природе, благодаря которым они вызывают эмоциональный отклик самого широкого диапазона и ненавязчиво программируют стиль и тональность общения, сообщая собеседнику или аудитории чувства добра, расположения, снисхождения, сопричастности (ровно, как и противоположные чувства). Современный интерес к этническому идеалу культуры речевого взаимодействия, этикетным установкам традиционного общения актуализирует непреходящую ценность афористического материала, делает востребованным исследовательский поиск художественных особенностей его поэтики, предопределяющих смысловую емкость и высокую частотность использования этих фольклорных единиц в речи носителей соответствующего языка.

В осетинском фольклоре поэтико-семантическую структуру целого ряда афористических жанров формируют поэтические тропы, среди которых особое место занимают олицетворение и сравнение. Эти средства создания образности несут не только орнаментальные, украшающие, но и структурирующие, смысловые функции: такая поэтическая природа народных афоризмов позволяет вложить глубокий смысл в короткую лаконичную фразу. Сравнительно-сопоставительное рассмотрение олицетворения и сравнения в различных видах осетинской народной афористики выявляет, что в эти поэтические фигуры полностью укладывается весь состав афористического высказывания, содержащего назидания, предписания, предостережения, описание и констатацию различных социальных и природных явлений, качеств и характеристик предметов, людей, животных. Идиоматичность афористики, предопределенная предельной сжатостью смыслов изречений, обуславливает трудность восприятия их носителями других культур и языков. Поэтому при иноязычных переводах так важно пояснение смысловых ключей и символических образов осетинской культурной традиции.

Цель и методы исследования. Цель исследования составляет решение проблемы выявления структурно-поэтической взаимосвязи поэтики различных жанров осетинской афористики, их сравнительно-сопоставительного рассмотрения на уровне конкретно обозначенных тропов. Поскольку афористическая поэтика базируется на этнических символах, общекультурных кодах, специфически преломляемых в каждом из подвидов афористики, мы предположили целесообразность ее изучения как цельной художественной системы, художественная изобразительность и выразительность которой обеспечивается совокупностью поэтических средств. Ритмическая структура, особенности синтаксического построения предложения, поэтические фигуры здесь нацелены на создание афористического стиля, отличающегося композиционной сжатостью, глубиной смысла и художественно-выразительной завершенностью. Смысловую глубину афоризмов помогает постигать знание культурных кодов и символов данного этнического традиционного наследия. А специальное лингвострановедческое изучение данного фольклорного пласта вкупе с рассмотрением иноэтнических афористических аналогий дает не только представление о характере национально особенных афористических образов, но методологическую возможность постичь глубинные смыслы осетинского языка и культуры представителями других языков и культур.

Таким образом, совокупное применение системного и сравнительно-сопоставительного методов с опорой на принцип историзма и ситуативного детерминизма являют адекватный инструмент для выявления особенностей этнопоэтики осетинской афористики, а также общевидовых и субжанровых особенностей афористических единиц. Избранные методологические подходы достаточно наглядно и доказательно демонстрирует, что поэтические приемы специфичны и в неодинаковой мере употребительны в разных жанрах фольклорной афористики, разнятся и их идейно-художественные функции [1, 105-108; 2, 9-12], а также позволяют резюмировать, что лаконичную форму осетинских народных афоризмов, отточенную многовековой речевой практикой народа, создают художественно-выразительные средства, жанровое своеобразие которых вытекает из специфики малой фольклорной

формы [2, 8-9; 3, 16-21]. Здесь, в отличие от других народно-поэтических форм, такие общенародные художественные средства как сравнение и олицетворение, создавая поэтическую выразительность, формируют структуру высказывания: афоризмы полностью укладываются в рамки поэтических фигур (Eremin, 1968: 6-7; Tsallagova, 2010: 79-84; Isaev, 1964: 85-90).

Вместе с тем, существует и внутривидовая специфика создания образности: сравнительно-сопоставительный анализ свидетельствует, что даже если разные жанры афористики пользуются одними и теми же тропами, фигурами, образами, то все-таки применение каждого из них подчинено характеру поэтики каждого конкретного афористического подвида, что достаточно четко иллюстрируется сквозной внутриафористической (подсистемной) ретроспективой средств художественной выразительности (Nevleva, 1979: 107-112; Tsallagova, 1980: 79-83). В образной системе осетинской народной афористики весьма специфично функционирование такого художественного приема, как олицетворение (или прозопопея), который предполагает наделение животных или неодушевленных предметов человеческим обликом, речью, чувствами, мыслями. К нему одинаково охотно прибегают все жанры, но чаще всего оно используется в загадках (Khubetsova, 1977: 83-88; Dobrovol'skii, 1997; Tomashevskii, 1959; Lavonen, 1977). Олицетворение позволяет создать необычные, яркие, парадоксальные образы в загадке (Kvyatkovskii, 1966: 183). Так, например, тающая сосулька (капель) здесь ассоциируется с плачущей невесткой: «На кьолисæр кæугæ киндзæ». Тæдзунæг. – «За нашим очагом плачущая невестка». Капель (тающие сосульки).

Олицетворение в загадках, оживляя предметный мир, старается максимально его приблизить к человеку, «оживить» предметный мир загадываемых предметов помогают и имена собственные: «Асиатыл авд кæрцы». Хъæдындз. – «На Асиат семь шуб». Луковица; «Уырызмæгыл фондзыссæдз хæдоны». Къабуска. - «На Урузмаге сто рубашек». Капуста. Уподобление предмета и человека происходит в загадках и посредством прямых ассоциаций: треножный стол уподобляется трем братьям с одной войлочной шляпой, сноп сравнивается с тысячей братьев, имеющих один пояс.

Часто в загадках предметы наделяются человеческими качествами и способностями: «Нæ чысыл дада хос кæрды». Сæрдасæн. – «Наш маленький дед сено косит». Бритва; «Даргъ лæджы цыбыр лæг йæ быны акодта». Фæрæт. – «Высокого человека низкий человек под себя повалил». Топор и дерево; «Нæ фасæдуар лæугæ чындз». Цъылын. – «За нашей дверью стоящая невестка». Веник.

Предметы наделяются также человеческими чувствами, мыслями, речью: «Иу мæ сæр, мæ сæр кæны, иннæ та – мæ астæу, мæ астæу». Цæджындз æмæ аххæрæг. – «Один жалуется: голова моя, голова моя, а другой: поясница моя, поясница моя». Столб и перекладина. Еще один пример аналогичного построения загадки: «Къæдзтæ-мæдзтæ кумæ цæуис? Къæдзæл, мудзул, нæ мæ уадзис?». Хъуæцæ æма рæхис. – «Извиваясь куда идешь? Закрученная и свитая, не пускаешь меня?». Дым и цепь (надочажная). Данные загадки были зафиксирована на осетинской почве уже первыми собирателями и издателями осетинских загадок академиками Вс. Миллером (дигорский вариант загадки) и А.А. Шифнером (иронский вариант загадки).

В загадках приписываются человеческие качества, то есть олицетворяются, также растения, животные, природный ландшафт, явления природы и времена года: «Даргъ лæгыл цубур къæредæ». Дони хед. – «На длинном человеке короткая шубка». На реке мост; «Нæ хæдзары астæу æлдары мард». Мæнæуы нæмыг. – «Средь нашей сакли труп князя». Пшеничное зерно; «Кадджын чызгыл авд куырæты». Хъæдындз. – «На знатной девице семь архалуков». Луковица; «Иу лæгæн дыууадæс фырты». Афæдз. – «У одного человека двенадцать сыновей». Год. Загадка олицетворяет и отдельные части человеческого тела: «Дыууæ лæгæн фæйна фондз фырты се'птæн дæр уыцы иу ном». Æнгуылдзтæ. – «У двух человек по пять сыновей, и у всех одно и то же имя». Пальцы; «Къола харди цæруй дууæ æнсуæри, кæрæдзей ба нæ уинунцæ». Цæститæ. – «Под потолком живущие два брата друг друга не видят». Глаза.

Человек – самый часто встречающийся образ олицетворения различных загадываемых предметов (топор, дерево, пистолет, река, ножка стола); среди терминов родства самый предпочитаемый – брат (колесо, глаз, сноп, ножка стола); из терминов социальных – князь;

аналогичный уподобительный ряд (свекла, репа, луковица, яичный желток) у слов девушка, княжна, женщина.

Целому ряду неодушевленных предметов и явлений осетинскими загадками приписываются свойства живых существ. В этом случае мы имеем дело с явлением одухотворения [8, 77]. Загадки одухотворяют атрибуты и части человеческого тела: «*Нæгъыццыл скъæты урс уæрыччытæ*». *Дæндæгтæ*. – «В нашем маленьком хлеву белые барашки». Зубы; «*Нæ æскъæты сырх гал баст*». *Æвзаг дзыхы*. – «В нашем закуте красный бык привязан». Язык во рту; «*Дыууæ калмы хæцыны, хæцыны æмæ кæрæдзимæ нæ хæццæ кæныны*». *Æрфгуйтæ*. – «Две змеи бьются, бьются, а друг с другом не сойдутся». Брови.

Одухотворяются растения: «*На куыройы фæстæ хæцаг калм*». *Пысыра*. – «За нашей мельницей жалающий змей». Крапива; «*Нæ сырх гал дæлдзæхæй йе 'взæгтæ суагъта*». *Цæхæра*. – «Из подземелья каш красный бык свои языки выпустил». Свекла; «*Карк дæлдзæхы къуыртт уадзы*». Картоф. – «Курица в подземелье цыплят высиживает. Картофель; «*Гал скъæтмæ тардтон, йæ думæг ба мæ къохи раизадаей*». *Кæрдту*. – «Быка в хлеб загонял, его хвост в моей руке остался». Груша; «*Бæндæн хизы æмæ род нæрсы*». *Нас*. – «Веревка пасётся и теленок растёт». Тыква.

В загадке одухотворяются предметы домашнего обихода, орудия труда, продукты: «*Нæ доны æнæстæг кæсаг*». *Гуымбыл*. – «В нашей реке бескостная рыба». Сыр в сыворотке; «*Нæ дуарбæл къуæтти куй*». *Гуыдыр*. – «У наших дверей немая собака». Замок; «*Нæ дуармæ къæбыс хуыссы, нæ хæцы, нæ рæйы, афтæмæй хæдзармæ*» *никайы уадзы*. *Гуыдыр*. – «У нашей двери щенок лежит – не кусается, не лает, а в дом никого не пускает». Замок; «*Нæ тæрхæги уасæнгæ*». *Сахат*. – «На нашей полке петух». Часы; «*Нæ сау сæгъ хæры æмæ хæрынаей нæ æфсæды*». *Пирæн*. – «Наш черный козел ест, но не насыщается» *Чесалка*.

Среди осетинских загадок встречаются и примеры контаминации в одном тексте двух художественных образов: олицетворения и одухотворения: «*Сауи сау бæхыл абадти*». *Аг æмæ рæхыс*. – «Сауи (имя собственное от прилагательного «сау» – «черный») сел на черную лошадь». Котелок и цепь; «*Сау бæхыл сау барæг*». *Аг æмæ рæхыс*. – «На черном коне черный всадник». Котел и цепь.

Иногда в загадке простая номинативная единица выступает в своем обычном значении, сочетаясь с одухотворением: «Урс род сау хъуджы бын». *Æхсыр*. – «Белый теленок под черной коровой». Молоко. Здесь иносказательное обозначение молока, выраженное посредством одухотворения «белый телёнок» сочетается с понятием «черная корова», не имеющим никакого переносного смысла. Но поскольку стереотип мышления привык видеть за каждым словом загадки иносказание, намек («Сау хъуджы бын бур род». *Аджы бын арт*. – «Под черной коровой желтый теленок». Под котлом пламя), то отсутствие такового тоже затрудняет путь к отгадке.

Самые частые в загадке образы-одухотворения – домашние животные: собака (замок, черемша, жернов мельницы, серп, трава), бык (язык, палец, свекла, груша, иголка, день, ночь, огонь, масло), корова (котел, огонь, шиповник), курица (картофель, день, ночь).

Один и тот же образ-одухотворение в разных загадках может обозначать несколько разных предметов:

1. «*Иу гал мын ис, æмæ кæм схуыссы, уым кæрдæг нал æрзайы*». *Арт*. – «Один бык у меня есть, и где он ляжет, там трава уже не вырастает». Огонь.

2. «*Не'скъæты бур гал*». *Царв*. – «В нашем хлеву желтый бык». Масло.

3. «*Нæ æнахуыр гал дон нуазы*». *Дурын*. – «Наш странный бык воду пьет». Кувшин.

4. «*Гал скъæтмæ тардтон, йæ думæг ба мæ къохи раизадæй*». *Кæрдту*. – «Быка в хлеб загонял, его хвост в моей руке остался». Груша.

5. «*Дæлдзæхæй нæ сырх гал йе'взæгтæ суагъта*». *Цæхæра*. – «Из подземелья наш красный бык свои языки выпустил». Свекла.

6. «*Сау гал бацæуы æмæ сæ амары, урс гал бацæуы æмæ сæ райгас кæны*». *Æхсаæв æмæ бон*. – «Черный бык заходит и убивает их, белый бык заходит и оживляет их». Ночь и день.

7. «*Не'скъæты сырх гал баст*». *Æвзаг дзыхы*. – «В нашем хлеву красный бык привязан». Язык во рту.

8. «Фондз галы урс быдыры хуым кæныны, сау мыггаг тауыны». *Ангуылдзтæ, гæххæтт.* – «Пять быков пашут на белом поле, сеют черное семя». Пальцы, бумага.

9. «Æфсæн галаен бæмбæг къæдзил». *Судзин.* – «У железного быка ватный хвост». Иголка.

Приведенные примеры загадок иллюстрируют пример того, как посредством одного образа одухотворения (*гал* – бык) могут быть загаданы девять различных понятий. Перечислительный ряд загадок наглядно иллюстрирует и то, что в каждой из них образ одухотворения сочетается с иными средствами художественного изображения:

эпитетом («*бур*» – «желтый» № 2, «*сырх*» – «красный» № 5, «*сау*» – «черный» № 6, «*урс*» – «белый» № 6, «*æфсæн*» – «железный» № 9); метафорой (№№ 1, 3, 4, 5, 6, 8); антитезой (№ 6). Именно они и составляют «дополнительную», «подсказывающую» часть загадки при постоянном образе одухотворения и, отмечая в каждом из предметов одухотворения его существенные черты, они ведут к отгадке: каждый раз упомянутый образ предстает в новом качестве: бык то желтый, то черный, то красный, то белый; то он пьет воду, то обладает удивительным свойством: там, где он ложится, больше не вырастает трава и т. д.

Пословично-поговорочному жанру приём одухотворения чужд; в редких случаях предметы могут одухотворяются в предложениях со сравнительной конструкцией: «*Сидзæры тæригъæдæй сау хъæды бæлæстæ галау уасыны*» – «От жалости к сироте в черном лесу деревья мычат как быки».

В пословицах предметы домашнего обихода, орудия труда, животные, растения, как правило, олицетворяются: «*Хорз фæрæт хъæддауæн æмбал*» – «Хороший топор – леснику товарищ». Прием олицетворения животных особенно часто встречается в осетинских веллеризмах: «*Цæргæс загъта: «Хуарз лæг мæ нæ фехсдзæнæй, æдули ба мæ рæргъæвдзæнæй»*» – «Орел сказал: «Хороший человек в меня стрелять не будет, а дурак не попадет»; «*Гонпойцъеу дæр уотæ: «Цæуæн ама хуцауæй гъос радавон».* – «Жаворонок тоже хвастался: «Пойду и украду у бога ухо»; «*Саг йæ родæн афтæ загъта: «Æз адаемæн сæ уындмæ бæллын, уыдон та мæ топнæй æхсыны*». – «Олениха своему олененку

так сказала: «Я стремлюсь на людей посмотреть, а они в меня стреляют».

Специфической особенностью анализируемого приема в пословичном народном творчестве является его сопряженность с аллегорией (Kvyatkovskii, 1966: 16); афористические изречения, олицетворяя конкретные и отчетливо представляемые образы, вкладывают в них глубокие иносказания и идеи, понимание человеком справедливости, зла и добра, ряда других нравственных ценностей: «*Кубырӕ сыгъдис ама йыл бӕттӕн худтис*». – «Сноп загорелся, а веревка над ним смеялась»; «*Афсондз бӕрзӕйы аелгыста, бӕрзӕй афсондзы*». – «Ярмо проклидало шею, шея – ярмо»; «*Сындз йӕ туг уайтагъд усы*». – «Колочка за свою кровь мстит сразу же». Олицетворяемые предметы и явления в пословицах иносказательно, с помощью системы намеков уподобляют одно явление другому и этим расширяют эмоциональность, масштабы и глубину транслируемой идеи: «*Загӕлаен дзӕбуг ызнаг у: аедзух ын йӕ сӕр хойы*». – «Молоток гвоздю враг: все время его по голове бьет». Таким образом, аллегоричность пословично-поговорочных образов-олицетворений помогает ярче выразить соответствующие этому образу характеристики: «*Зулкъ уаллоныл аегъ кодта*». «Червь брезговал дождевым червем»; «*Зулкъ аелгӕй мард*» – «Червь подыхал от брезгливости», – в этих изречениях олицетворяется являющийся источником отвращения червь, через конкретный образ которого передается отвлеченное понятие брезгливости и отвращения.

Олицетворяет пословица природный ландшафт и явления природы: «*Заехх йӕ уала хас нае уадзы*» – «Земля за собой долга но оставляет»; «*Цъити арвы хӕраефырт у*» – «Глетчер—племянник неба»; «*Хур дӕр ма стӕалытӕм зынгагур бауад*» – «Даже само солнце и то пошло к звездам огня просить». Олицетворяются в пословицах и поговорках, в отличие от загадок, психические свойства человека, абстрактные понятия: «*Хӕлаег ама чъынды афсымертае сты*» – «Зависть и жадность – братья»; «*Уарзондзинад атахт ама фаджысы сӕрыл абадт*» – «Любовь улетела и села нанавоз».

Самый частый объект олицетворения в проклятиях – различные болезни: «*Емына да бахера!*» – «Чтоб тебя съела чума!»; «*Емына да*

ныццавæд!» – «Чтоб тебя ударила чума!»; «*Фыдрын дæ фæхæссæд!*» – «Чтоб тебя унесла страшная болезнь». Все эти проклятия, олицетворяющие различные болезни, – пожелания смерти; со временем в них, как и других проклятиях сакрального происхождения, поэтическая образность получила самодовлеющее значение. В благопожеланиях человеческие качества приписываются абстрактным понятиям: добру, благу, благосостоянию, изобилию: «*Фарн дæм бадзурæд!*» – «Фарн (счастье, изобилие) пусть окликнет тебя!»

Сравнение – один из излюбленных приемов создания образности народных афоризмов. Простейшая форма сравнения, предполагающая наличие «подсобных» (Kvyatkovskii, 1966: 280) вспомогательных слов, представлена в осетинской афористике пословицами. Идея сравнения в них выражена посредством связывающих слов «*æмхуызон*», «*гæсгæ*», «*хъаджыдæр нæй*», «*хуызæн*», «*афтæ*» («как», «словно», «подобно», «все равно», «что», «похоже»): «*Ракондæй разæгъдæй хъаджыдæр нæй*» – «Что сказать, что сделать – разницы нет»; «*Сæгъ æмæ бирæгъæй хъаджыдæр не сты*» – «Они ничем не отличаются от козы и волка»; «*Мыдыкъусы хуызæн хæдзар*» – «Дом как чаша, полная меда и масла».

В особую группу сравнений анализируемого типа выделяются изречения, в которых идею уподобления несет наречие «уыййау» («как», «подобно этому», «так»), располагающееся всегда в самом конце пословичной фразы: «*Кæмæйдæр кæрдзыны ном куыд ферох, уыййау*» – «Название хлеба забывшему человеку подобно». В подобного рода пословичных сравнениях часты имена собственные: «*Дзатти калакдзауты фæдыл куыд цыд, уыййау*» – «Тому, как Дзатти шел за идущими в Калак, подобно».

Сравнение передается также различными нестандартизированными оборотами, выражающими идею сравнения: «*Емынæйы ад мын кæныс*» – «Чумы вкус от тебя (твоего присутствия) ощущаю»; «*Сывæллонмæ дæ дæндагтæ зыхъхъыраей куы дарай, уæд сæ цыхт хоны*» – «Если ребенку все время показывать зубы (если улыбаться), то он принимает их за сыр». В пословицах формы полных сравнений, в которых присутствуют все три элемента: объект сравнения, образ сравнения и признак сходства, – встречаются как редкие исключения; структура пословичного сравнения, как правило,

бинарна. Часты сравнения сокращенные (Levin, 1964: 87), усеченные (Khubetsova, 1977: 40), неполные (Kvyatkovskii, 1966: 281), что объясняется афористическим характером анализируемого материала: стремлением к лаконичности, немногословности.

Формы сокращенных сравнений различны. Часто встречаются афоризмы, в которых сравнение выражается морфологически – посредством постановки существительного (образа сравнения) в уподобительный падеж: «Адаѣймаджы цард уалдзыгон дидинаѣгау у» – «Человеческая жизнь весеннему цветку подобна». Присущая афоризмам тенденция к лаконизму передает идею сравнения без вспомогательных слов посредством лишь суффикса уподобительного падежа – ау: «Куы хæцай, уæд Нартау хурныгуылдмæ» – «Если сражаться, то как Нарты: до самого заката солнца».

Такая форма сравнения используется и в загадках («Сау у халонау, хæцын зоны куыдзау». Ахсынкъ. – «Черна как ворон, кусать умеет как собака». Блоха), в благопожеланиях («Хъæздыг дыл ичьийау ныххæцæд!» – «Богатство к тебе как репейник пусть пристанет!»), в проклятиях («Ичьыиайы калмау уæлауыл баззай!» – «Как змея Ичьына вечно на этом свете пребывай!»).

Благопожелания невесте в свадебных тостах-молениях также оформлены посредством суффикса уподобительного падежа: «...сынтау базырджын, фысау къæбутджын, каркау бæдулджын!» – «...как ворон крылатая, как овца, затылок имеющая (выносливая), как курица, много цыплят имеющая (будь!)»

Встречаются пословицы, в которых эффект сравнения достигнут через постановку образа сравнения в форму родительного падежа. Как и в случае с уподобительным падежом, в такого рода сравнительных конструкциях надобность в использовании вспомогательных средств отпадает: «Куыдзы хъуыды дæр æй ничи кæны» – «Как на собаку, на него никто не обращает внимания».

Во многих пословицах и поговорках сравнение выражено посредством сравнительной степени прилагательного: «Æгады бæсты мæлæт хуыздæр» – «Лучше смерть, чем позор»; «Иунагæй магуыр дæр хъæды халон дæр нæй» – «Беднее, чем одинокий (человек), в лесу даже

вороны нет»; «Топпы цаѳѳай ѳвзаджы цаѳ зындѳр дзѳбѳхгѳенѳн у» – «Легче залечить рану от пули, чем рану от слова». Очень часто именно посредством сравнения пословица раскрывает противоречивую сущность предметов и явлений: «Ѳхсынцы дидинаѳг ѳфтауы раздѳр, фѳлаѳ йѳ ад та хылымѳйѳ мастдѳр» – «Алыча цветет раньше (других плодовых деревьев), но вкус ее горше, чем отравы»; «Ныхас уадѳй тагъддѳр у, топпѳй – тыхджындѳр» – «Слово быстрее ветра, сильнее ружья».

К такой форме сравнения прибегает иногда и загадка: «Хыбылаѳй ныллагдѳр, лагѳай бѳрзонддѳр». Худ. – «Ниже поросенка, выше человека». Шапка. Подобные сравнения помогают создать в загадке противоречивый образ-парадокс: «Ѳнгузѳй чысылдѳр, лагѳай тыхджындѳр». Нѳмыг. – «Меньше грецкого ореха, сильнее человека». Пуля; «Дураѳй уѳззаудѳр, бѳхѳай рѳуѳгдѳр». Топпы нѳмыг. – «Камня тяжелее, коня быстрее». Ружейная пуля. Описанная выше характерная черта загадки, заключающаяся в наличии константных образов для разных предметов загадывания, прослеживается и на уровне сравнений. Так, загадка с конем сравнивает не только пулю, но и глаза: «Дугъон бѳхѳай тагъддѳр». Цѳстытѳѳ. – «Быстрее, чем скакун». Глаза.

Среди пословичных сравнений встречается группа таких, в которых один предмет полностью уподобляется другому; при этом признаки уподобления подразумеваются, но не называются: «Зондджыныхас фат у, йѳ фѳхсын та – 'рдын» – «Умное слово является стрелой, а умение сказать его – лук».

Аналогичные сравнения в загадках предстают как бы впервые увиденными, приобретающими необычные, странные характеристики за счет сравнительных ассоциаций (Кvyatkovskii, 1966: 188): «Йѳ сѳр—хырх, йѳ дымѳг – ѳхсырф». Уасѳг. – «Голова – пила, хвост – серп». Петух. Необычным и странным загадываемый предмет может стать и посредством использования латентного отрицательного сравнения: «Дзыккутѳ йыл уыди ѳмѳ чызг нѳ уыд, тымбыл уыди ѳмѳ айк нѳ уыд, къѳдзил ын уыди ѳмѳ мыст нѳ уыд». Булкъ. – «С волосами, но не девочка, круглое, но не яйцо, с хвостом, но не мышка» Редька; «Зынг нѳу, ѳфтѳмѳй судзы». Пысыра. – «Не огонь, но жжет» Крапива; «Лѳг нѳу, ѳфтѳмѳй дзуры, бѳлас нѳу, ѳфтѳмѳй йыл сыфтѳ ис, хѳдон нѳу,

афтæмæй хуыд у». Чиныг. – «Не человек, а говорит, не дерево, а с листьями, не рубашка, а сшита». Книга.

Оттенок сравнения присутствует и в пословицах синтаксически определенным образом организованных: это простые предложения с обязательным присутствием частицы «*дæр*» – «и то», «даже». Как правило, в таких пословицах в качестве предмета сравнения подразумевается человек, а образами сравнений являются животные: «*Рынчын хъæды саг дæр кæны*» – «Олень в лесу и то заболевает»; «*Сабыр ныхасмæ калм дæр хъусы*» – «К тихому слову змея и то прислушивается»; «*Стæг домбайы хъуыры дæр бады*» – «Даже у льва (и то) кость в горле застреивает»; «*Зæрватыкк дæр ма йæхицæн хæдзар кæнын зоны*» – «Ласточка и то умеет строить себе дом»; «*Мыст дæр ма зымаегмæ æвæрæнтæ кæны*» – «Мышь и то к зиме припасы готовит». Подобные сравнения как бы апеллируют к самым крайним категориям сравнительного ряда: «*Иу рæдыд Уастырджы дæр бары*» – «Одну ошибку даже Уастырджи прощает» (в данном контексте Уастырджи – самое высшее воплощение неукоснительной справедливости).

Некоторые афористические сравнения с течением времени начинают восприниматься как языковые идиомы (Tomashevskii, 1959: 217). Как правило, это те поговорочные сравнения, в которых присутствует имя собственное: «*Битъыры хъæзу йæхи ауагъта*» – «Разлегся, как гусь Битъыра»; «*Раст Санаты Сем!*» – «Прямо (как) Шем Шанаев!». Именно по поводу таких выражений известный английский этнолог Э.Б. Тэйлор писал, что они представляют особый интерес, «...как случаи переживания. Даже тогда, когда действительное значение этих выражений исчезло из памяти людей, и они потеряли всякий смысл или затемнены каким-нибудь позднейшим поверхностным значением, - даже и тогда старинные изречения выигрывают своею таинственностью, чем теряют относительно смысла» (Aristotel, 1951: 75).

Подавляющее большинство афористических сравнительных образов взяты из окружающей среды и быта народа-творца; анализ частотности их употребления дает возможность отчетливо проследить за тем, какие образы предпочитаются каждым из малых фольклорных жанров, какие для каждого из них специфические, а какие общие.

Основные образы сравнений афористики – образы предметные, среди которых наиболее часты сравнения с домашними и дикими животными:

Ворон. «Халонау йае уаены касы» – «Подобно ворону смотрит через плечо; «Сау у халонау, хацын зоны куыдзау». *Ахсынкъ.* – «Черна как ворон, а кусать умеет как собака» Блоха.

Конь. «Хиванд лаг оцани баехай фыддаер у» – «Упрямый человек хуже норовистой лошади»; «Дугъон баехай тагъддаер». *Цастытæ.* – «Быстрее скакуна», Глаза.

Собака. «Куыдзы хъуыды дæр аей ничи каены» – «Подобно собаке на него никто не обращает внимания»; «Сау у халонау, хацын зоны куыдзау». *Ахсынкъ.* – «Черна как ворон, кусается как собака». Блоха.

Курица. «Æнархъуыды лаг магуыр у: каркау ыл дыууæ къахы ис» – «Несообразительный человек беден: как у курицы две ноги у него»

Волк. «Бирагъау куы афсаест, куы аххормаг» – «Подобно волку то сыт, то голоден».

Еж. «Уызыны цыд фæкодта» – «Подобно ежу хаживал».

Коза. «Сæгъ æмае бирагъаей хъаджыдæр не сты» – «Они подобны козе и волку»

Кошка. «Гæдыйау авд удон у: над æмае цафæй нæ малы» – «У него семь душ как у кошки: от ударов и побоев не умирает»

Куропатка. «Кæд ма хуыргаркау хæрдмæ стæхон» – «Разве что остается мне только как куропатке взлететь вверх»

Ласточка. «Зæрватыкк дæр ма йæхицæн хæдзар каенын зоны» – «Ласточка и то себе дом строить умеет».

Лев. «Стæг домбайы хъуыры дæр фæбады» – «Кость даже у льва в горле застревает»

В приведенных примерах образы сравнений пословиц и поговорок взяты из мира животных. Те же самые предметные образы в загадках используются как образы одухотворения. Исключительно в пословицах и поговорках встречаются сравнения, основанные на образах из мира растений, явлений природы, стихий, в то время как в

загадках аналогичные образы предполагают метафорическое осмысление загадываемых предметов; и только в пословицах мы встречаем сравнения с абстрактными понятиями, моральными, этическими представлениями: «Хорз хæдзарæй хорз ном фылдæр лæууы» – «Хорошее имя долговечнее хорошего дома»; «Æгады бæсты мæлæт хуыздæр» – «Лучше смерть, чем позор»; «Адæймагæн йæ сæрæй йæ æфсарм стырдæр у» – «Æфсарм (мораль, освященные обычаями нормы поведения, которые связаны с соблюдением благопристойности и чистоты в отношениях между людьми) выше, чем голова человека».

Основные результаты и выводы исследования. Проведенное исследование позволяет констатировать, что олицетворение и сравнение как средства художественного выражения формируют поэтико-семантическую структуру малых фольклорных форм. Олицетворение особенно предпочтительно в образной системе загадки, которая, оживляя предметный мир, старается максимально его приблизить к человеку. Особенностью загадки является и одухотворение, когда предметам приписываются свойства живых существ. Пословица олицетворяет не только предметы домашнего обихода, орудия труда, природу, явления природы, но и, в отличие от загадки, психические и физические свойства человека, отвлеченные, абстрактные понятия. Особенностью олицетворения в пословичном жанре является и его сопряженность с аллегорией; такие образы, приобретая аллегорический характер, расширяют свои масштабы: в привычные предметы вкладываются широкие наблюдения, которые становятся формой выражения понимания человеком морально-нравственных ценностей и философских обобщений. Абстрактные понятия «добро», «благо», «изобилие», олицетворяются благопожеланиями. В проклятиях самый частый объект олицетворения – различные болезни.

Что касается сравнения, то для афористических текстов характерно предпочтение форм сокращенного сравнения. Такая избирательность объясняется паремическим характером анализируемого материала, стремлением к лаконичности, краткости. Для передачи идеи сравнения такие виды афористики как пословицы и загадки (в благопожеланиях и клятвенных формулах этот прием

встречается редко) широко пользуются богатыми возможностями выражения осетинского языка; образы сравнений берутся из окружающей действительности, домашнего быта. Подавляющее их большинство – образы предметные. Рассмотрение образов сравнений народной афористики отчетливо показывает богатый и разносторонний круг образов пословичных сравнений и небольшой перечень образов сравнений загадок. Этот факт находит свое объяснение при сопоставлении образов сравнений пословиц с образами одухотворения загадок: идентичные образы с переходом из одного жанра в другой, сохраняя эквивалентность смысла меняют художественный способ ее выражения.

LITERATURE

- ALIEVA A. I., Astaf'eva L. A., Gatsak V. M., Kirdan B.P., Pukhov I. V. (1977) Opyt sistemno-analiticheskogo issledovaniya istoricheskoi poetiki narodnykh pesen [The experience of systematic analysis of the historical poetics of folk songs]. Fol'klor. Poeticheskaya sistema. [Folklore. Poetic system] Nauka, 1977. pp. 69-108, Moscow.
- ARISTOTEL'. (1951) Ob iskusstve poezii [On the art of poetry], 208p. Moscow.
- ARUTYUNOV S.A., Bagdasarov A.R. Yazyk – kul'tura – etnos [Language - culture – ethnos]. Moscow, Nauka, 1994. 233 p.
- DOBROVOL'SKii D.A. (1997) Natsional'no-kul'turnaya spetsifika vo frazeologii [National-cultural specificity in phraseology]. Voprosy yazykoznaniya. Nauka, 1997. №6. - pp. 40-49. Moscow.
- EREMINA V. I. (1968) K voprosu o zhanrovoy differentsiatsii narodnoi simboliki [On the issue of genre differentiation of people's symbols]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istorii, yazyka, literatury [Bulletin of Leningrad State University. A series of history, language, literature], vyp. 1, № 2, pp. 83—93.
- ISAEV M. I. (1964) Ocherki po frazeologii osetinskogo yazyka [Essays on the phraseology of the Ossetian language]. 104 p. Ordzhonikidze.
- KHUBETSOVA Z.R. (1977) Osetinskie klyatvennye formuly [Ossetian oath formulas]. Voprosy osetinskogo yazykoznaniya. [Questions of Ossetian linguistics] T.32, 1977. pp. 76-84. Ordzhonikidze.
- KVYATKOVSKII A. (1966) Poeticheskii slovar' [Poetic Dictionary], Sovetskaya ehnciklopediya, 1966. 375 p. Moscow.
- LAVONEN N. (1977) Karel'skaya narodnaya zagadka. [The Karelian folk mystery]. Nauka, 1977. 138 p. Leningrad.

Oset Halk Aforizmalarının Canlandırma Sisteminde Kişiselleştirme ve Karşılaştırma

- LEVİN Yu. I. (1964) Montazhnye priemy poeticheskoi rechi [Mounting receptions poeticheskoy speech]. Programma i tezisy dokladov po vtorichnym modeliruyushchim sistemam [Program and abstracts of reports on secondary modeling systems]. Tartu, 1964. pp. 77- 91.
- NEVLEVA S.L. (1979) Voprosy poetiki drevneindiiskogo eposa. [Questions of poetics of the ancient Indian epic. Epithet and comparison]. Nauka, 1979. 136 p. Moscow.
- TOMASHEVSKİİ B. V. (1959) Stilistika i stikhoslozhenie. [Stylistics and versification]. Uchpedgiz, 525 p. Leningrad.
- TSALLAGOVA I.N. (2010) Lingvisticheskie osobennosti osetinskoi zagadki: Diss. ... kand. filol. nauk. [Linguistic features of the Ossetian riddle. A thesis for the degree of Candidate of Philology]. 171 p. Vladikavkaz.
- TSALLAGOVA Z.B. (1980) Aforisticheskie zhanry osetinskogo fol'klora: Diss. ... kand. filol. nauk. [Aphoristic genres of Ossetian folklore. A thesis for the degree of Candidate of Philology]. 1980. 178 p. Moscow.
- VESELOVSKİİ A.N. (1940) Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. Vysshaya shkola, 1940. 648 p. Moskov.